

Говорят, что лучше успеть вовремя, чем слишком рано. Как раз наступил седьмой день седьмого лунного месяца, и весь Ханчжоу был освещён яркими огнями. Девушки пускали по реке фонарики, молясь о благословении, а некоторые заключали свои клятвы любви у озера Сиху. Прекрасная ночь и восхитительные пейзажи заставляли всех погрузиться в очарование.

Хуа Чэ лежал на крыше, черепица слегка давила, но это было не столь важно. Он выпил немного лёгкого вина, слегка опьянел, и вскоре его начало клонить в сон.

Чу Бинхуань сидел рядом, рассеивая частицы истинной энергии, чтобы защитить Хуа Чэ от комаров и других насекомых.

Луна висела высоко в небе, а метеоры падали, как дождь.

Внезапно он вспомнил прошлую жизнь, когда они с Хуа Чэ пришли в секту Шанцин, чтобы пройти испытания для учеников. Они преодолели множество препятствий, став центром внимания всей толпы.

По сравнению с порогом Чертога Линсяо, секта Шанцин была гораздо строже. Подъём с подножия горы Куньлунь был усеян бесчисленными ловушками: ядовитые испарения, лабиринты, демонические звери, призраки и даже царства иллюзий.

До сих пор Чу Бинхуань помнил, как Хуа Чэ, столкнувшись с ядовитыми испарениями, насильно вложил ему в рот единственную противоядную пилюлю.

— Молодой герой, если ты выживешь, пожалуйста, отвези мои останки в Ханчжоу и передай их моей самой любимой бабушке Цзян.

История всегда удивительно повторяется.

Чу Бинхуань не стал ворчать о его привычке, а присел, чтобы проверить пульс Хуа Чэ, и спросил:

— Почему ты отдал это мне?

Хуа Чэ, чувствуя сильное головокружение, просто прислонился к пню и, закрыв глаза, ответил:

— Моя мать с детства учила меня быть благодарным. Ты спас меня от тех двух хулиганов, и я должен был тебя отблагодарить.

Чу Бинхуань вспомнил, как две недели назад Хуа Чэ, столкнувшись с демоническим зверем, инстинктивно бросился ему на помощь, и сказал:

— Ты уже отблагодарил меня.

— Капля доброты требует океана благодарности, — ответил Хуа Чэ.

Чу Бинхуань нахмурился:

— Я помог тебе просто так, это было пустяком. Тебе не нужно было рисковать жизнью. Кроме того, с пяти лет я пробовал сотни трав и уже стал невосприимчив к ядам. Эти ядовитые испарения мне не страшны.

— Что?! — Хуа Чэ, который уже почти умирал, вдруг ожил. — Так я зря старался?

Чу Бинхуань едва сдержал смех, но, чтобы этот негодяй не зазнался, он нарочно сделал строгое лицо и сказал:

— Как ты думаешь?

— ... — Хуа Чэ был так зол, что потерял сознание.

Конечно, с Чу Бинхуанем рядом, небольшое количество ядовитых испарений, которые вдохнул Хуа Чэ, быстро рассеялось. Однако последующее царство иллюзий оказалось крайне опасным. Как говорили ученики Шанцин, это было настоящим испытанием перед вступлением в секту.

Только те, кто обладал великой справедливостью, был честным и бескорыстным, могли выйти из царства иллюзий. В противном случае их ждало либо безумие, либо смерть от кровотечения из семи отверстий.

Хуа Чэ был крайне недоволен правилом «либо пройдёшь, либо умрёшь».

Чу Бинхуань, в отличие от тех, кто считал человеческую жизнь дешёвой, больше беспокоился, что Хуа Чэ не справится.

Ведь этот человек был полон коварства, далёк от честности, легкомысленен, своенравен и совершенно не соответствовал понятию «бескорыстный».

К удивлению Чу Бинхуаня, когда он вышел из царства иллюзий, Хуа Чэ уже ждал его на помосте Шанцин.

— Ты... — Чу Бинхуань не мог поверить своим глазам.

Чтобы достичь великого Пути, нужно было отречься от всех чувств и желаний. Хуа Чэ с детства

любил читать романы, а его окружение пропитало его мирскими страстями. Если бы его попросили рассказать о романтических историях, он мог бы говорить семь дней и ночей без перерыва.

Как такой человек, погружённый в мирские страсти, мог пройти через иллюзии Шанцин?

Чу Бинхуань, колеблясь, спросил:

— Ты отпустил свою помолвку?

— Ты о Чу Тяньюе? — Хуа Чэ рассмеялся. — Я никогда не относился к нему серьёзно. Недавно я отправил духовный талисман в Юньтянь Шуйцзин и вернул подарок, который был знаком нашей помолвки. Чтобы сохранить репутацию Юньтянь Шуйцзин, мы объявили, что оба мужчины, и не можем стать супругами, но можем быть братьями. Это лучше, чем слухи, которые могут навредить Чу Тяньюю.

Чу Бинхуань хотел что-то сказать, но промолчал.

— По времени, талисман уже должен был прийти! Кстати, молодой герой, мы знакомы уже давно, но ты так и не рассказал мне, как тебя зовут. Мне надоело называть тебя «молодым героем», скажи хотя бы, как твоя фамилия?

Чу Бинхуань посмотрел на ожидающего Хуа Чэ, но прежде чем он успел ответить, золотой талисман пролетел по небу. Талисман был сложен в форме птицы, а на хвосте висел длинный нефритовый амулет. По запаху амулета он идеально нашёл своего владельца.

Талисман рассеялся, а амулет упал в руки Чу Бинхуана. В воздухе появились плотные иероглифы.

— Я был твоим будущим мужем, но судьба распорядилась иначе. Мы не смогли быть вместе. Объяви, что мы оба мужчины и не можем вступить в брак, чтобы избежать сплетен. Возвращаю подарок, и, возможно, мы встретимся в будущем.

Чу Бинхуань:

— ...

Старейшины секты Шанцин:

— ...

— Ты... ты... — Хуа Чэ широко раскрыл глаза и с ужасом указал на смущённого Чу Бинхуаня. — Ты был моей женой?!

Чу Бинхуань:

— ...

Фейерверки, взрывающиеся в ночном небе, слепили глаза. Хуа Чэ отвернулся и случайно заметил, что Чу Бинхуань задумался.

— Ты вернулся домой? — спросил Хуа Чэ.

Чу Бинхуань посмотрел на него и слегка кивнул.

Хуа Чэ сел:

— Мне тоже нужно навестить одного человека.

Чу Бинхуань инстинктивно встал, но Хуа Чэ, увидев его реакцию, рассмеялся:

— Нет, тебе лучше не идти. Это место... не для такого чистоплотного господина, как ты.

Чу Бинхуань уже догадался.

Хуа Чэ собирался в самый известный бордель Ханчжоу.

Это было место, где Хуа Мэйэр когда-то продавала себя. Бабушка Цзян была старой служанкой, которая ухаживала за куртизанками и прожила с Хуа Мэйэр более двадцати лет, став для неё почти матерью. Когда Хуа Мэйэр ушла из борделя, она также выкупила бабушку Цзян, и они жили вместе.

После смерти Хуа Мэйэр бабушка Цзян вернулась в бордель, чтобы заботиться о одиннадцатилетнем Хуа Чэ.

Хуа Чэ, не желая, чтобы бабушка Цзян в таком возрасте продолжала работать, тайно устроился работать в ресторан, писал письма, чистил свинарники, убирал конюшни, его обливали вином капризные клиенты, били и ругали вспыльчивые хозяева, и даже злоумышленники пытались похитить его.

Позже, когда его так называемый отец нашёл его, он уже был старшим учеником секты Шанцин, уважаемым мастером Хуа.

Столкнувшись с этим человеком, он холодно спросил:

— Где ты был, когда моя мать, беременная мной, была выгнана из Хмельного терема? Где ты был, когда моя мать умерла, а я вынужден был просить милостыню, чтобы выжить?

Бедная бабушка Цзян, всю жизнь заботясь о семье Хуа, не наслаждалась покоем, а вместо этого была убита из-за Хуа Чэ.

— Молодой господин вернулся! Садитесь, садитесь, я налью вам чай, — бабушка Цзян была вне себя от радости, взяла чай Лунцзин у слуги и налила Хуа Чэ полную чашку.

Хуа Чэ достал кошелёк и протянул ей:

— У нас достаточно денег, не работай больше здесь. Мама говорила, что у тебя есть родственники в Гусу, возьми деньги и поезжай к ним.

Бабушка Цзян испугалась:

— Откуда у тебя столько денег?

— Учитель наградил! — Хуа Чэ улыбнулся. — Я вступил в Чертог Линсяо.

Для таких женщин, как бабушка Цзян, все храмы были святыми. Кроме того, название «Чертог Линсяо» звучало настолько внушительно, что бабушка Цзян сразу же прониклась уважением:

— Это... это где живёт Нефритовый Император? Молодой господин, не пугай меня.

Хуа Чэ подробно объяснил, и бабушка Цзян, хотя и не совсем поняла, протянула кошелёк обратно:

— Старухе не нужно столько денег, ты сам их возьми, они пригодятся в храме.

Бабушка Цзян сказала с теплотой:

— Родственники в Гусу — это далёкие родственники, и я не хочу к ним ехать. Госпожа Мэйэр была моей хозяйкой, и ты мой господин. Я просто хочу заботиться о тебе, молодой господин, и никуда не уйду.

Хуа Чэ почувствовал тепло в груди и обнял бабушку Цзян.

Бабушка Цзян рассмеялась:

— Молодой господин, как ты стал таким ласковым?

Хуа Чэ сказал:

— Возьми деньги, мне в храме они не нужны. Учитель добрый, братья по секте ко мне хорошо относятся. Они даже говорят, что какой-то небожитель вырастил меня таким красивым, с румяными губами и нежной кожей, им очень завидно.

Бабушка Цзян рассмеялась.

Перед уходом бабушка Цзян остановила Хуа Чэ и, колеблясь, тихо спросила:

— Молодой господин, скажи мне правду, откуда у тебя столько денег?

Хуа Чэ:

— Учитель наградил, не только меня, но и всех братьев по секте.

<http://bllate.org/book/15412/1362931>